

В. П. ШЕЛЕПИНА

ВОСПОМИНАНИЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ (1917–1922)

Воспоминание. Начало революции. 1917 год

В начале 1917 года, в феврале месяце, в С.-Петербурге началось волнение: продукты невозможно купить, магазины все закрыты. Публика ожидала с утра и до обеда, а вечером то же самое. Наконец, женщины потеряли время и терпение и начали у магазинов ломать двери и бить стекла, а мужчины присоединились и начали все громить, и пошло все в ход, и начались беспорядки по всему городу. Стали арестовывать, заключать в тюрьмы, а потом расстреливать; многие не могли вернуться домой. На улице отбирали документы. Днем нельзя было ходить по улице, а ночью ходили по домам и арестовывали, и больше они не возвращались. Их ожидала тюрьма и расстрел.

Вот уже и продукты стали исчезать: хлеба нет. Началась голодовка; вместо хлеба давали вяленую воблу, подсолнухи и чечевицу для супа. Я шла через площадь Николаевского вокзала и видела: продавали лепешки из лошадиного помета, добавленного со свеклой. Продавали по одному рублю 50 коп. за одну лепешку. Один кусок сахара стоил 1 руб.

Вот началась анархия — это один ужас. На улицу нельзя было выйти прилично одетым: раздевали, снимали пальто, сапоги, одним словом, забирали все, что было у вас на руках. Каждый, кто выходил на улицу, не знал, вернется ли он домой.

Я работала в качестве сестры милосердия в Общежитии увечных воинов¹, это были николаевские солдаты. Я работала, делала для них все, была полной хозяйкой. Но продолжалось недолго. Солдаты сами выбрали комитет, и я уже была бесправной, и начали безобразить. Я достану и привезу продукты, а солдаты все по карманам — и отправляются в дорогу за продуктами: все, что я получила, все разобрали, и я осталась без ничего.

Вот начались беспорядки, хлеба нигде нет. Я взяла на себя смелость, говорю солдатам: «Поеду немедленно в интендантство достать хлеба»; солдаты мне говорят: «Куда вы поедете, вас убьют»; а я им ответила: «А что вы мне скажете, когда не будет хлеба?» Солдаты промолчали. Я поехала и привезла целый камион² хлеба. Инвалиды были поражены, что я достала хлеба.

Время идет, чем дальше — тем хуже. Начали грабить, и уже ничего не достать. Один фунт хлеба стоил 165 руб., я получала 175 руб. в месяц, в общежитии мне полагалось $\frac{1}{4}$ фунта. Я его сразу съедала, а на обед и на ужин ничего не оставалось.

Потом уже и хлеба не стало, вместо хлеба давали воблу и суп из чечевицы. Надо было думать, что есть и где взять. Инвалиды хотели ехать за продуктами и предложили мне, чтобы я с ними поехала. Я дала свое согласие и немедленно пошла достать карты для поездки поездом. Когда я пришла на Невский проспект, я увидела: масса народа, стояли даже на улице в очереди. Я не растерялась, растолкала всех и вошла во двор, не обращая ни на кого внимания; вошла в помещение по лестнице бегом. Патруль меня спросил, а я на лету ответила: «Забыла документы». И так я проскочила моментально, сделала все, что надо было.

Придя домой, солдаты меня ждали; когда я им сказала, что все сделано, они были довольны. На следующий день мы должны были двинуться в дорогу. Придя на вокзал, была такая масса народу, невозможно было войти в вагон. Я встала на буфере вагона и хотела [войти]; красноармеец схватил меня за юбку. Я давай кричать: «Смотри, невозможно пройти!», а своим солдатам говорю: «Гайда за мной!», и так все вошли в вагон. Давка была ужасная, все кричали.

Мы должны были ехать в город Новозыбков Черниговской губернии. Не доезжая этого города, мы отправились на мельницу, где достали муки. Брали столько, сколько хотели. Я лично взяла муки полную наволочку, купила немного сахара, копченого сала, немного меду и масла, и это все. Медлить невозможно, надо спешить ехать домой, не

знаешь, что может быть каждую минуту. И так отправились в дорогу, все было тихо и спокойно.

Приехали домой; нас все ждали. Я лично со своими сестрами, с которыми работала, все поделила поровну; были благодарны и довольны.

Вот опять беда: нельзя купить ни ботинок, ни материи. Говорят, только по карточкам. Думаю, пойду. Прихожу в правление, прошу мне карту на материю для платья. Ответ такой: мы только карты даем на родившихся, на умерших и на бракосочетавшихся. Я ответила: «Хорошо, дайте мне три карты». Таким образом я получила три карты. Придя домой, спрашиваю сестер, кто что хочет. Одна взяла на платье, другая на пальто, а я на валенки.

Время идет, а с едой все одно положение. Солдаты собираются ехать в Вятку без меня: дорога дальняя. Я все время работаю; сейчас у меня 8 человек ненормальных, которых я должна сама везти в психиатрический институт³, и со мною один санитар. Были волнения среди больных, но я на них кричала и держала их в руках; с Божьей помощью привезла их на место, было тихо и спокойно.

Вернулась к своему дому, стою у крыльца, вижу солдата, который вернулся из Вятки, и его сопровождает красноармеец на лошади. Инвалид мне сообщает: «Мы все вернулись, но моих братьев должны судить, их уже повели». И сказал, где этот дом. Я не растерялась — ментально бегом по лестнице, кричу: «Братцы, скорее, надо спасать наших братьев!» Сразу все отправились. Вошли в дом, вошли в большой зал. В зале — большой стол, покрытый красным сукном, за столом сидит банда, а мои инвалиды перед столом стоят все в ряд. Я как влетела в зал и как закричу: «Кого вы судите? Вы судите солдат, которые сражались за свою родину, потеряли здоровье, полные инвалиды! Вы судите за что? За то, что они одни купили себе продукты за свои деньги, и они ни в чем не виноваты, да кроме того, не даете никаких продуктов, да еще судите!» Я разозлилась и закричала: «Братцы! За мной!» — и так всех увела домой. Придя домой, сказала: «Будьте тихо и спокойно, а потом увидим»; и так обошлось.

Вот опять история. Приказ: в течение 24 час. сдать оружие. Потом другой приказ: в течение 3 час. не будет исполнено — будет обыск. Все обошлось благополучно.

Вот переводят меня в другое общежитие, на Сергиевскую улицу, особняк 30 и 31⁴; это шикарные дома, прекрасная мебель, всюду хрусталь и фарфор. В прекрасном салоне инвалиды устроили сапожную мастерскую. И так жизнь идет, что ни день — то все хуже.

Однажды с сестрой милосердия Марусей вдвоем отправились в Гвардейское экономическое общество⁵, походили-посмотрели и ничего не купили, и не могли рисковать тратить деньги, которых очень мало. Наконец добрались до своей улицы, нас встречает Марусин же-

них, который сказал: «Сейчас у вас в доме должен быть обыск», и просил меня, чтобы я взяла на себя всю ответственность. Я согласилась, притом что Маруся нервная и все может напортить.

Я и Маруся торопились. У меня было ужасное настроение. В доме по лестнице я бежала наверх, не помня себя. Когда я добралась наверх, сразу побежала по комнатам прислуг — и что я вижу? О ужас! У них на столах блюда, тарелки, чашки; фарфоровые вазы, стаканы, солонки — все хрустальное. Я всем прислугам кричу: «Идите скорее!» Они пришли. Я им говорю: «Смотрите, что вы наделали». Они мне отвечают: «Нам дали солдаты». Я им отвечаю: «Вас за это расстреляют, как куропаток». И заставляю их поднять подола юбок; они все в слезы: «Да мы не знаем как». «Ах вы, дуры, идите сюда». Я подняла им юбки и давай складывать всю посуду; когда было собрано все, говорю: «Идемте за мной». В самом низу был чулан, которым никто не пользовался. «Теперь складывайте всю посуду». Когда все было в порядке, я снова обошла все комнаты и увидела хрустальную солонку — и бросила в огонь.

Я очень разволновалась, пошла к себе в комнату, приняла валериановых капель и сижу тихо и спокойно и думаю, что нас всех ожидает. Вдруг стук в дверь; я отвечаю: «Пожалуйста, войдите»; входит товарищ комиссар и объявляет: «Мы должны у вас сделать обыск. Откуда можно начать?» Я отвечаю: «С моей комнаты». Пошли по всем комнатам кругом, ничего не нашли, спустились в чулан, а там всего полно. Я только слышу: «Ну и обработали!» Опять стук в дверь. Я отвечаю: «Войдите». Входит товарищ комиссар и говорит: «Идите сюда». Я спускаюсь, захожу в чулан. «Посмотрите: что это такое?» Я отвечаю: «В чем дело? Я ничего не знаю. И не знаю, кому принадлежит этот чулан». В общем, распоряжение такое: все подлежат расстрелу. В моем отсутствии инвалиды разгромили весь буфет; когда был обыск, выносили все во двор, а жильцы дома брали. Отсюда и пошло: «Грабь награбленное».

Я сижу и думаю, что же делать, все должны быть расстреляны; время считанное, раздумывать не приходится. Я решила пойти к комиссару. Я ужасно нервно настроена, не знаю, что из этого выйдет, но надо спасать. Наконец захожу в кабинет, обращаюсь: «Товарищ комиссар, в моем отсутствии в моем общежитии инвалиды разгромили буфет». Комиссар мне отвечает: «Расстрел, и не может быть никаких разговоров». — «Я прошу, товарищ комиссар, сказать мне слово. Это инвалиды-солдаты, которые воевали, потеряли свое здоровье, из них глухие, немые, слепые, без рук, без ног, парализованные, их надо пожалеть и простить». Ответ такой: «Нет-нет, всех расстрелять». Тогда я сказала, что этого больше никогда не повторится и за все отвечаю я одна. Комиссар сказал мне: «Помните, что сказали». Я сказала, что от своих слов не откажусь. Все было улажено.

Придя домой, я должна была кормить. Все мои солдаты пришли в столовую и все молчали. Я начала говорить: «Милые и дорогие мои братцы, я должна с вами говорить, и серьезно должна говорить, но от вас я должна слышать, что вы сделали, что больше этого никогда не повторится. Я вымолила вам жизнь; вы все должны быть расстреляны. Я все взяла на себя и сказала, за все отвечаю я, и тогда только гнев пошел на милость». Один солдат сказал: «А я брошу бомбу»; я ответила ему: «Ты дурак, идиот, еще смеешь так говорить; закрой свой рот навсегда, чтобы я никогда ничего не слышала. Я спасла вас всех от расстрела. Теперь будьте тихо и спокойно».

Через некоторое время все успокоились. Но с питанием беда, опять надо думать что-нибудь достать. И вот надумали поехать в город Ромны, это Полтавская губ. Но очень трудно было попасть в поезд, даже невозможно, всюду стоят патрули. Я решила солдат погрузить в парке: никого нет, тихо, и мы все влезли в вагон тихо и спокойно. Я запретила, чтобы не было никаких разговоров, чтобы было все незаметно. Когда подали поезд на вокзал, это один ужас, ужасная давка, некоторые даже влезли на крышу вагона, и когда поезд шел под туннелью, они, бедные, все погибли и были раздавлены. Я еду со своими инвалидами только кое-что достать и сейчас же домой в Петербург, не задерживаясь. Солдаты со мной были вежливы и никогда в моем присутствии не сказали плохого слова. Но я для них делала все не как сестра милосердия, а как мать родная; они, по-видимому, это ценили.

Вот наконец доехали до города Ромны, взяли путь на деревню, дошли до мельницы, купили муки, немного пшена, это было самое главное, да много нельзя было покупать и не по силам. В городе я купила плетеную корзину с крышкой, потом достала жукового мыла⁶, купила конфеты-крошки, все это положила в корзину, и еще сапоги высокие, шнуровка на боку, а муку пристроила в одеяло. Медлить было нечего, да и денег нет. Надо было двигаться в дорогу; думаешь — как-то доедем. Погрузились, ехали спокойно. Вот подъезжаем на вокзал. Мои инвалиды взяли мою муку и просят идти через боковую дверь через товарный двор. Я им сказала: «Вы все идите, а я пойду через вокзал со своей корзиной». На перроне такая давка, того и смотри, можешь упасть на рельсы. Я свою корзину поставила около барьера, а сама встала в очередь. Когда подошла моя очередь, то я корзину взяла, тут-то и схватил меня чекист: «Ваш документ». Я показываю; он говорит: «Ваш документ недействительный; сейчас Верховного Совета нет, а Отдел призрения»⁷. А я ему говорю: «Еще печатей не выдано, и мы пользуемся старыми». Сию минуту скомандовал меня отвести в жандармское отделение. Иду и не могу понять, в чем дело, и ничего не понимаю.

Вхожу — два солдата спрашивают: «Что скажете?» — «Ничего». — «А что вы сделали?» — «Ничего». — «А за что вас привели сюда?» Я говорю: «Корзину поставила около барьера, а сама встала в очередь; когда моя пришла очередь, я взяла свою корзину, вот и все». — «А что у вас в корзине?» — «Мыло, крошки, ботинки». — «Откройте корзину». Я открыла — посмотрели и говорят: «Идите». Я подумала: «Вот сейчас подлезу под вагоны — только меня и видели». В это время открывается дверь, входит чекист и говорит: «У ней не в порядке документ». Я открываю сумку, он смотрит: «А что у вас там еще?» Я вытаскиваю свидетельство, что я состою на первом семестре вольнослушательницей в медицинском институте. Тогда он говорит: «Завтра принесете удостоверение».

Итак, я пришла домой в час ночи. Встречал меня заведующий Борис Петрович. Я его поставила в известность, как это все произошло. Борис Петрович сказал, завтра напишет другое удостоверение.

На другое день утром я должна явиться в жандармское отделение. Там я встречаю того же солдата и заявляю, что хочу видеть дежурного по станции. Солдат мне отвечает, он сейчас при посадке. Я его спрашиваю: «Это тот же самый, который был вчера?» — «Нет, другой». — «Ах, жаль». Солдат отвечает: «Я ему сейчас позвоню по телефону». Я отвечаю: «Нет надобности». Я спрашиваю: «А что он из себя представляет, товарищ взводный?» — «Ах, так это он хотел показать себя перед сестрой милосердия». — «Пусть он покажет себя перед солдатами, так его бросят в Обводный канал».

В это время приходит матрос с одной девицей и спускается три ступеньки вниз, там сидели арестованные две семьи: одна семья везла заднюю часть свинины, а другая семья везла кусок кумачу. Когда матрос и девица поднялись наверх и говорят: «Да они все путают, один говорит одно, а другой говорит другое; расстрелять», тогда я поняла, что я попала в чека. Теперь солдату говорю: «Вы не соответствуете своему назначению. Я вчера у вас была до часу ночи, и потом сегодня; вы что, думаете, я буду к вам приходиться каждый день? Нет, я не намерена, меня ждут больные». Завернулась и ушла.

Придя домой, я наткнулась на комиссию, которая меня остановила и начала расспрашивать, часто ли я посещаю собрания. Я ответила: «Мне не до ваших собраний, у меня больные, и у меня нет времени». Такой ответ им не понравился, и хотели меня арестовать. Как все ужасно, и жуткие времена: арестовывают, сажают в тюрьму, расстреливают, что-то ужасное происходит, прямо не знаешь, что делать. Комендант города присылает письмо — немедленно явиться; и все попадали в ловушки: как из дому ушли, и больше они домой не возвращались, и было все кончено. Кадетов просто бросали в Крюков канал. Кадетов смешали с партией кадетов; расправа была ужасная и жуткая.

Сестра милосердия Маруся и ее тетя получили письмо из Парижа от графа Капнистли⁸: просит пойти в дом, который находится на Английской набережной, посмотреть, в каком порядке находится его дом. Маруся просит меня пойти с ней посмотреть. Я дала свое согласие. Вот отправились. Подошли к дому, нажали кнопку, поднимаемся по лестнице, нас встречает, который у графа Капнистли прослужил 35 лет. Заявив ему: «Пришли по поручению, в каком порядке находится особняк», он провел нас, я попросила ключи от буфета; все было в порядке, золото и серебро было не тронут. Я заперла буфет на замок и ключи вернула денщику, потом пошли в зал, я села немного отдохнуть — устала, все время живешь на нервах. Я увидела портрет матери графа. Я не могла оторвать глаза: прехорошенькая красавица. Я говорю: «Маруся, посмотри, какая хорошенькая». Вдруг открывается дверь и входят 2 военных без погон⁹. Один, высокий из них, обращается ко мне: «Сестрица, я обращаюсь к вам не как к сестре милосердия, а как к матери родной, у меня жена и дети. Прошлой ночью много нас арестовали, а этой ночью, верно, и меня арестуют. Я вас очень прошу, помогите мне». Я ему отвечаю: «Я вас совершенно не знаю», а он мне отвечает: «Я вам даю честное слово русского офицера, я вас не подведу». Тогда я ему говорю: «Позвоните мне по телефону», он мне отвечает: «Это невозможно; как только начну звонить, сию минуту комитет солдатских депутатов меня возьмет». Тогда я говорю: «По такому адресу в 6 ч. вечера придите ко мне, но будьте осторожны. Я вас буду ждать».

Наконец в назначенный час является. Я немедленно пишу ему удостоверение: «Дано сие удостоверение инвалиду такому-то, находящемуся в мне вверенном моем общежитии, что и удостоверяется с приложением печати». «Теперь идите на вокзал с этой бумагой, вам поставят печать, и можете ехать по всей матушке-России, а через три дня я наведу справку».

И вот через три дня я спросила денщика; ответ был таков: как ушел, и больше не пришел. Теперь сколько прошло времени, очень много, читала газету и вдруг читаю: «Генерал Семенов расстрелян в Сибири¹⁰, Царство ему небесное и вечная память». Теперь иду домой, встречаю офицера, который вместе был в доме гр. Капнистли. Он меня остановил и попросил поменять деньги. Дошли до Кирочной улицы. Он мне показывает дом: «Вот наверху — это моя комната, а внизу — комитет». В это время подходят к нему два солдата и говорят: «Вы арестованы». Я была в ужасе, и, придя домой, я была вне себя. Что ни день, то всякие истории.

Теперь я хочу знать, что же случилось с этим офицером, и я решила позвонить по телефону и прошу позвать его к телефону. Мне отвечают: «Его нет, он арестован и находится в Петропавловской крепости».

Я — туда; и там его не нашла. Давай ходить по всем арестным домам — и вот наконец нахожу его в арестном доме около Боткинских барачков. Было тяжело и рискованно, но побег был удачный.

Наконец я решила покинуть Петербург. Ко мне присоединились 10 человек инвалидов. Я решила ехать в Киев. В Киеве была наша Белая армия, которая в городе была три дня, потом должны были отступить.

Каким образом я попала в Киев? Из Петербурга доехала только до Жлобина, а потом пароходом из Гомеля прямо в Киев. Настроение было ужасное: вот-вот начнут отступать; но я все же рискнула пешком идти к сахарному заводу: хотелось достать сахару; а потом добралась до деревни. Вдруг пришла крестьянка и сказала, пришла какая-то банда. Я солдат повела скорее прятать сахар, а один говорит: «А я спрячу на печке». Я ответила: «На печке он растает».

Наконец все в порядке. Стоим все вместе. Вдруг я поворачиваю голову — о ужас! — два красноармейца подошли к моим солдатам. Я встала спиной к моим солдатам, руками загородила и сказала: «Не смейте трогать, это мои солдаты». Красные ответили: «Мы только посмотрим документы». Я ответила: «Хорошо, документы можете проверить». Проверили и ушли.

Мои солдаты решили отправиться на Одессу пешком, предложили мне идти вместе с ними. Я спросила, сколько верст, ответили: 500 верст. «Нет, братцы, я не дойду; если вы хотите, то с Господом Богом идите, а я за вас помолюсь». И я их благословила и сказала: «Идите тихо и спокойно, и никаких разговоров». И так они ночью ушли. Я осталась с сестрой милосердия Асей.

Рано утром я пошла по деревне что-нибудь купить из продуктов. Меня схватили два солдата, сказали: «Завтра утром вы должны отправиться на станцию». Я ответила: «Пешком не пойду». Они сказали, приедет подвода. Вот утром приехала подвода. Я с Асей уселась, а на углах телеги, на каждом углу — вооруженные красноармейцы. Я не придавала никакого значения, была спокойна. Асю просила, чтобы она молчала, а сама буду говорить.

Наконец мы приехали на станцию, повели нас к товарищу комиссару Левинзон. «Как вы сюда попали?» Отвечаю, приехала с больными. «Где же ваши больные солдаты?» — «Не знаю, ночью они легли спать, а утром я их никого не нашла, ушли, а куда — не знаю». Комиссар говорит: «Что вы за сестра, что от вас больные ушли; вы что-то путаете»; а я отвечаю: «Я говорю так, как оно есть». Тогда мне говорит: «Вы посидите и хорошо подумайте». И вот с 11 часов утра сидели до 6 часов вечера, голодные. Комиссар позвал нас, спрашивает: «Что вы надумали?» — «То же самое, ничего нового». Позвали старшего врача. Комиссар говорит доктору: «Эти сестры упали к нам с неба, они нам нужны». И вот взяли нас на работу.

Началась работа — хождение по мукам. Масса больных и раненых через мои руки прошло, 25 тысяч. Солдаты приносили мне еду: масла, мяса, сала и хлеба, всего было достаточно. Я солдатам говорю: «Вы гоняете от станции до станции, а потом от села до села». Так оно и вышло. В один прекрасный день пришли в дом обедать. Был приготовлен чудный бульон из курицы, вареники с творогом и молочная пшенная каша. Поели хорошо, еще никогда так не ели. Вот вышли на станцию. Большевики в панике, они окружены: с одной стороны добровольцы¹¹, с другой стороны Махно¹², с третьей стороны зеленые¹³. Среди большевиков поднялась паника, уже близко видно, как идет стрельба, и видно, двигаются земляные тучи. Вот началось отступление большевиков. С повозок все летит, лошади встали на задние ноги, крик невероятный. Один из командиров верхом на лошади кричит: «Помните, сорокинцы!»¹⁴ — и начал ругать самыми последними словами Божию Матерь Иисуса Христа. Я в упор смотрела ему в глаза, а он тоже также смотрел на меня. Он понял, что я думала, а я тоже угадала его мысли. Одним словом, поняли друг друга без слов. Лицо его было невменяемое, глаза его были злые, он готов был рубить налево и направо.

Вот началось отступление; с повозок все летит, ящики с продуктами; я не знаю, как мне быть. Слышу в опушке рощи выстрел. Я бегу. Слышу выстрел. Солдат — мертвый, выстрелил себе в рот, и смерть ментально. Я спрашиваю: «Мертвый? Брать его тело?» Ответ — нет, не трогайте. Я бегу; вижу — ландо и пара белых лошадей, никого нет. Я — в это ландо; стою и держу вожжи; лошади помчались, но я никогда не управляла лошадьми. Ехала на лошадях я долго, потом шла пешком. Дошла до деревни, расположенной на горе. Солдаты нашли приют у одного священника. Немного подзакусили, отдохнули и запели: «Это был последний и решительный бой». Большевикам надо было удирать.

Я села на телегу, запряженную парами волов, и смотрю — обоз все становится меньше и меньше. Я соображаю — бегут. Я думаю, медлить нельзя, пока темно, надо бежать. Я вылезла из телеги, хорошо хлестнула волов, а сама пошла одна. Это было около 3-х часов утра, уже стало светло. Вот идут 2 разведчика, спрашивают меня, куда я иду, я им отвечаю: «Вон маленький домик, хочу там оставить свой ящик»; а они мне говорят: «А мы тоже оставили свои вещи». И они ушли.

Теперь солдаты бегут, бросают винтовки, бросают шинели, много брошенных повозок. Я иду, куда — сама не знаю. Куда приведет меня Божья Матерь. Она у меня на груди. Божья Матерь, Царица Небесная, помоги мне, спаси и сохрани и помилуй рабу грешную.

Все шла в одном направлении и так добралась до границы Румынии. На берегу реки Днестра вижу людей, которые друг с другом разговаривают, а перейти Днестр нельзя, румыны могут обстрелять; что же делать? Дальше идти некуда.

Я решила зайти в одну хату и попросила, можно ли мне у них ночевать, на что я получила прием: меня напоили, накормили, а на другой день я должна двинуться в дорогу. Пошла меня провожать украинка, дала мне всякой еды, я ей хотела за все заплатить, но она отказалась от денег, сказала мне: «Ты — моя родная, если увидишь моего больного сына, поухаживай за ним». Пошла меня провожать всякими дорогами и тропинками, проводила до самой Каменки, а дальше не могла — боялась мадьяров. Как я ни старалась дать ей деньги, она не взяла, но прошла со мной 15 верст. Я была тронута ее добротой, поцеловала ее и так я с ней рассталась.

Когда я пришла в Каменку, я села около [одно слово неразб.] под деревом, рядом колодец и памятник. Сижу — и решила покушать и немного отдохнуть. У меня был револьвер. Вижу — идут два разведчика, но не знаю, кто они такие. Когда они заговорили по-украински, то сразу было видно, что это петлюровцы¹⁵. Начали меня спрашивать, откуда иду и куда; и я им отвечаю, что была у родных, иду домой в деревню Петровку. Один меня хочет забрать, а другой говорит: «Отпусти ее». И между ними идет ссора. Я думаю: «Ну я пропала»; но в конце концов дали мне пропуск, но сказали, что через два часа они вернутся. Когда они ушли, я револьвер забросила в пшеницу.

Теперь идут 10 человек петлюровцев. Я как на иглоках сижу — ну пропала. Они видели, как со мной разговаривали двое разведчиков, и меня не тронули. Когда они проехали, тогда крестьяне вышли из своих хат и говорят: «Иди до нас. Это банда, они тебя разденут и пустят голую». На том месте, где я сидела, это место для расстрела. Кто бы ни был — все равно на этом месте расстреливали.

Одна семья меня забрала к себе, и я у них осталась ночевать. В эту ночь должны были через эту деревню пройти 15 тысяч солдат. На другой день утром мне дали белое платье, отделанное малиновым бархатом, которое я одела, потом большой черный платок, весь в цветах, я накинула на плечи и пошла на базар посмотреть и что-нибудь купить. Бежавшие солдаты меня узнают, тоже очутились на базаре. Подвод было мало; так как петлюровцы арестовали, то крестьяне боялись на базар и не выехали. Я думала найти подводу и двинуться дальше в дорогу. Я решила лучше пойти пешком. Придя с базара, пообедала, поблагодарила за прием, попрощалась и двинулась в дорогу.

Дорога дальняя, держу путь на город Могилев. По дороге вижу — петлюровцы половили большевиков, по несколько человек связали веревками и сложили в телегу, как дрова. Я иду тихо и спокойно, и меня не тронули. Иду по большой дороге, кругом пшеница, вот узкая маленькая тропинка, думаю — дай пойду по этой тропинке, дохожу до большого дерева, под деревом зеленая лужайка. Я решила закусить. Тихо и спокойно встала около дерева и вижу — по большой дороге идут

5 человек. Я недолго думала, на четвереньках полезла в пшеницу и думаю: «А вдруг они пойдут пшеницей прямо на меня?» И вот подошли к этому месту, где я сидела, и говорят: «Идем пшеницей», а другие говорят: «Нет, лучше идем по дороге». Думаю: «Слава Тебе, Господи, все миновало!» Но идти еще боюсь, думаю, надо выждать.

Вот приближается ко мне крестьянин, я его спрашиваю: «Дядя, много там войска?» Говорит: «Никого нет». Я ему говорю: «Как никого нет, идите сюда, посмотрите, вон пехота». В другую [сторону] показываю: «Смотрите, сколько кавалерии». Он мне отвечает: «Родная, никого нет». Это у меня началась галлюцинация.

Я пошла дальше; иду и боюсь, иду пшеницей, кукурузой, подсолнухами, смотрю — кругом нет никого. Иду дорогой, вижу — домики; идти еще далеко, уже устала, но надо спешить. Думаю: «Никто, как Господь и Царица Небесная, не совсем одна, она поможет мне».

Наконец я добралась до города Яруги; надо искать себе ночлег. Очень скоро нашла приют, накормили, напоили, как-то все шло навстречу. Устала, тоска и страх берет, и что меня ожидает? Идешь — ничего не знаешь. Я спрашиваю хозяйку дома, не знает ли она, кто бы мог погадать на картах. Хозяйка мне отвечает, знает, есть одна старушка. Я прошу: «Позовите ее». Вот пришла старушка. Бросила карты и говорит мне: «Бедная моя, тяжелый твой путь, ты много перестрадала, тебе предстоит дальняя дорога, ты будешь очень и очень больна, поправишься, не умрешь». Я дала ей 5 рублей.

Теперь дорога на Ямполь, 15 верст. Вот иду; уже приближаюсь — а там застава; пришлось сделать еще лишних 15 верст, и вот Неемия и Серебряя, и вошла прямо в город Могилев. Вижу — на посту стоит городской. Я обратилась к нему и рассказала все ему, кто я и откуда, и где была, и о своем бегстве, и в данном случае я не в курсе дела и не знаю, как поступить. Городской меня спросил, какие у меня документы. Я ответила: «Все документы Царские». Он ответил: «У вас все очень хорошо, здесь только признают Царские документы». Теперь спрашивает, есть ли у меня пристанище. Я отвечаю, только что вошла в город. «Вы можете найти у меня». Я покраснела, тогда он говорит: «Я вас смутил; у меня есть жена и ребенок. Вот я вам напишу записку, и вы пойдете к моей жене, она вас примет, а потом приду и я». Получив записку, я отправилась по адресу. Прихожу и заявляю, что я от вашего мужа, и вручила ей маленькое посланье. Она очень мило ко мне отнеслась. Согрела воду; я себя с дороги привела в порядок. Она приготовила еду и накрыла стол.

Вот пришел господин городской, уселись за стол и начали разговаривать. Спрашивает меня: «Что вы думаете делать?» Я отвечаю: «Надо идти работать». — «Вот как раз не хватает сестер», — дает мне адрес. И я отправилась по этому адресу. Поднялась по лестнице, и села в коридоре на скамейке, и жду.

Вот привели молодого человека в чудном пальто с каракулевым воротником, на голове каракулевая шапка, на ногах высокие лакированные сапоги. Начинают на него кричать: «Раздевайся, жидовская морда!» Он начинает плакать. Раздели. «Читай Отче наш!» Он отвечает, не знает. В это время приходит мать и принесла ему одежду.

Теперь приходит украинец; на улице с него сняли новые сапоги. Наконец вызвали меня. Вхожу — сидит весь медицинский персонал. Я дала сведения о себе, и меня послали в госпиталь Красного Креста.

Являюсь в распоряжение главного врача, рассказала ему все подробно, он был очень мил и приветлив со мной, но сестры были недовольны, говорили: «У нас есть свои», но все равно я была принята. С комнатой я устроилась с одной сестрой, Петровой.

Вот началась работа. Больные все тифозные; днем есть врачи, а ночью сама сестра одна. Отношение к больным было идеальное, все сестры работали с прилежанием и любовью, не за страх, а за совесть. Работала я недолго, всего две недели, и заболела сыпным тифом. Уход за мною был очень хороший. Мне было очень тяжело, притом я очень устала, прошла пешком 150 верст, это все отозвалось на моем организме. Ну, ничего, никто, как Божья Матерь, Царица Небесная, на нее вся надежда и все упование, она одна, Владычица, мне поможет.

Вот с Божьей помощью начала я поправляться. Аппетит большой, хочется есть. Сестры обо мне заботятся и достают мне еду. Пока все слава Богу, но еще надо терпеть и набраться сил. Побыла еще три дня в госпитале и пошла домой. Делать ничего не могу, а ничего не делать скучно. Осторожно посмотрела в окно, вижу — петлюровцы удирают через заграждение. На улице собрались группами; думаю — что-то да есть.

Я пошла в госпиталь. Все время в госпиталь являются отдельные лица и направляются к сестре-хозяйке и требуют деньги; она дает; старшая сестра Янчевская дежурит и просит меня остаться ночевать. Сказала: «Поставлю кровать, затоплю печку, чего ты будешь одна в холоде». Я дала свое согласие. В 1 час ночи является какой-то тип с винтовкой в руках и требует деньги. Я вмешалась: «Документы какие-нибудь есть у тебя?» Молчит. Я как толкну с лестницы — сбросил винтовку и бросился бежать. Исчез. Вот являются казаки-разведчики и тоже требуют деньги; заявляем — уже все отобрали; тогда говорят, пойдем больных обыскивать. Я встала около своей палаты, двери закрыла, поставила свои руки и не пустила, чтобы не наводить панику среди больных. Сестра Мирошниченко сказала казакам: «Если вы найдете оружие у моих больных, то можете мне отрезать голову». Казаки пошли по другим палатам. Я вошла в ее палату и подошла к больному, который был очень нервный. Я сунула руку под матрац и вытащила револьвер. Я спрятала в муфту и спустилась в покойницкую. Просидев около часа,